

А.С. Лебедев

**Цветаев Дм. Протестанство и
протестанты в России до эпохи
преобразований. Москва. 1890**

(Критика)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.С. Лебедев**
Цветаев Дм. Протестанство и протестанты в России до эпохи преобразований. Москва.
1890: (Критика) / А.С. Лебедев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 56 с.

ISBN 978-5-4241-8368-3

ISBN 978-5-4241-8368-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

На стр. 18-й г. Цвѣтаевъ пишетъ: „Увеличеніе иноземцевъ въ нашей столицѣ повело къ тому, что ихъ выселили за Москву-рѣку. Недалеко отъ города, говоритъ Герберштейнъ, показываются домики и зарѣчныя слободы, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ князь Василій выстроилъ для своихъ тѣлохранителей новый городъ (novam civitatem) Нали (что значитъ по-русски „налей“), потому что только имъ однимъ дана отъ князя воля пить, тогда какъ другимъ русскимъ запрещено пить медъ и вино, за исключеніемъ немногихъ дней въ году; по этой причинѣ они удалены отъ общества съ остальными, чтобы прочіе не соблазнились, живя вмѣстѣ съ ними“ (стр. 18). Г. Цвѣтаевъ относитъ такимъ образомъ это свидѣтельство къ нѣмцамъ и прописываетъ имъ, на основаніи его, такую аттестацію: „Названіе ихъ мѣстожителства и ближайшая причина выдѣленія отъ русскихъ ясно характеризуетъ, что это былъ въ большинствѣ за народъ и какъ смотрѣли на него москвитяне, которые, съ своей стороны, только что испытавъ всѣ невыгоды иноземнаго ига и вліянія, естественно, относились съ крайнимъ опасеніемъ и недовѣріемъ и ревниво оберегали отъ нихъ свое добро“ (стр. 19). Свидѣтельство, между тѣмъ, относится къ русскимъ. Г. Цвѣтаевъ приводитъ его въ измѣненномъ видѣ. Именно, въ текстѣ свидѣтельства (по переводу, какимъ пользовался г. Цвѣтаевъ въ „Запискахъ о Московіи“ Герберштейна, С.-Пб., 1866 г., которыя прямо у него и цитируются) значитъ: „Недалеко отъ города показываются домики и зарѣчныя слободы, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ князь Василій выстроилъ для своихъ тѣлохранителей новый городъ Nali (что на ихъ языкѣ значитъ infunde, налей)“... и далѣе, какъ у г. Цвѣтаева. Словами: „на ихъ языкѣ“, совершенно согласными съ подлиннымъ текстомъ свидѣтельства: „eodem lingua“¹⁾, прямо указывается на русское происхожденіе царскихъ тѣлохранителей, съ чѣмъ согласуются и нижеслѣдующія слова: „другимъ русскимъ“ (въ подлинникѣ: „aliis ruthenis“). Авторъ же, замѣнивъ слова: „на ихъ языкѣ“, словомъ: „порусски“, открылъ себѣ нѣкоторую возможность примѣнить его къ нѣмцамъ, хотя послѣдующія оставленныя безъ перемѣны слова: „другимъ русскимъ“, все-таки, и при этомъ измѣненіи текста, громко вопіютъ противъ такого примѣненія.

На стр. 590 авторъ пишетъ: „Все, что удалось русскому прави-

¹⁾ *Rerum Moscovit. commentarii Sigismundi liberi baronis in Herberstein, Basileae, per Joannem Oporinum, 1566, pag. 62.*

тельству сдѣлать для облегченія православныхъ, отданныхъ по Столбовскому договору (1617 г.), это—оставить за новгородскимъ митрополитомъ завѣдываніе ихъ духовными дѣлами. Замѣчательно, что такому праву новгородскаго владыки не противились сначала и сами шведы, предвидѣвшіе, что въ противномъ случаѣ почти все вновь пріобрѣтенное православное населеніе перебѣжитъ на русскую почву^а. Цитируются: Никоновская Лѣтопись, VIII, 223—224; *Беръ*, Царствованіе Михаила Ѳеодоровича, II, 98—102; *Соловьевъ*, изд. 4-е, IX, 83 и дал.; *Лажинъ*, Столбовскій договоръ и переговоры, ему предшествовавшіе, С.-Пб., 1857. *Ни въ одномъ изъ указанныхъ источниковъ ничего подобнаго не говорится.* Ничего подобнаго и не было. А было вотъ что. На другой годъ послѣ Столбовскаго договора шведскіе послы приходили въ Москву и просили его царское величество Михаила Ѳеодоровича, чтобы изъ уступленныхъ Швеціи городовъ дозволено было „православныя вѣры греческаго закона игуменамъ, попамъ и дьяконамъ для поставленья и благословенья пріѣзжать къ новгородскому митрополиту, а митрополиту бы ихъ принимать и благословлять и разрѣшать въ духовныхъ дѣлахъ попрежнему, и чтобы тѣмъ людямъ отъ митрополита, и отъ поповъ, и отъ русскихъ людей укориженныхъ словъ и налоговъ и безчестья не было^а. На такое прошеніе шведскихъ пословъ бояре, по повелѣнію царскому, отвѣтили, что „то дѣло духовное“ и рѣшить его теперь нельзя „для того, что въ то время крайняго и высочайшаго святителя, святѣйшаго патріарха, не было“. Рѣшено было отложить дѣло до избранія патріарха. Когда же, наконецъ, патріаршій престолъ былъ замѣщенъ возвратившимся изъ Польши Филаретомъ Никитичемъ, царь и патріархъ прислали новгородскому митрополиту Макарію „образцовый списокъ грамоты“, съ которою онъ долженъ былъ обратиться къ православному населенію уступленныхъ Швеціи городовъ. Этою грамотою жители этихъ городовъ призывались оставаться въ единеніи съ православною русскою церковью и ходить за исправленіемъ церковныхъ нуждъ и по дѣламъ духовнаго суда къ новгородскому митрополиту по-прежнему, съ увѣреніемъ, что никакихъ обидъ и укориженныхъ словъ имъ ни отъ кого и ни въ чемъ не будетъ. Вотъ подлинный текстъ грамоты: „Понеже вы бѣсте прежде чада церковная и служители Христовы вѣры, и сего ради и нынѣ не хочу васъ отрѣвати, но паче сочетавати, яко да будете вси тояже церкве и тояжъ вѣры уди... И сего ради воспоминаю васъ, да якоже прежде бысте паствы нашея чада и сынове церкви, сице и нынѣ, ни въ чемъ же благословенія нашего усту-

нающе, крѣпце стойте, мужайтесе, утверждайтесе и ничѣмъ же преткновенени бывайте...; поставленія же и освященія игуменскаго, и священническаго, и дьяконскаго, и прочихъ церковныхъ преданій, яже церкви Божіи пріять, не отрѣваю васъ приходити ко мнѣ, и по превосходящему нашему чину благословеніе и прошеніе во всякихъ духовныхъ дѣлѣхъ отъ насъ пріимати, и антиминсы и вси, еже церквамъ Божіимъ въ лѣпоту, подавати вамъ хотимъ; а съ повелѣнія великаго государя нашего царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, въ его царскую вотчину, въ Великій Новгородъ, пріѣздъ и отѣздъ вамъ въ духовныхъ дѣлѣхъ будетъ вольный, и обидъ и задержанья и укоризненныхъ словъ ни отъ кого ни въ чемъ вамъ не будетъ, и сумнѣнья о семъ никому имѣти не достоинъ, понеже благочестивая вѣра утѣсненія никому не творить, но паче всѣмъ миръ и благословеніе простираетъ; аще же благословенія нашего имѣти не восхощете и отеческіе обычаи и предѣлы восхощете премѣнити, вы отвѣтъ имате дати въ день страшнаго суда, а мы и весь яже о мнѣ священный соборъ отвѣту за то дати не имамы, понеже благословеніе и изволеніе возвѣстихомъ и пастырское попеченіе о васъ показахомъ, точю вы послушаніе принесите*. Такъ дѣло было по несомнѣнному свидѣтельству официальныхъ документовъ русскихъ (Акт. Арх. Эксп. т. III: 1619 года, августа 17-го, царская грамота новгородскому митрополиту Макарію о пастырскомъ наставленіи православному духовенству, оставшемуся въ уступленныхъ Швеціи городахъ; 1619 года, августа, грамота новгородскаго митрополита Макарія въ Корелу къ тамошнему духовенству; 1622 года, ноября 14, царская грамота новгородскому воеводѣ Мезецкому). Такъ оно разказано на основаніи этихъ документовъ и у *Чистовича* въ „Исторіи православной церкви въ Финляндіи“ (стр. 64—69), а также и у преосвященнаго *Макарія* въ его „Исторіи Русской церкви“ (т. XI, стр. 20—22). Такимъ образомъ, г. Цвѣтаевъ и здѣсь такъ-же, какъ въ разказѣ о нѣмцахъ, поселенныхъ въ Налеикахъ, превратно передаетъ дѣло: то, что относится къ русскимъ, переноситъ на шведовъ, игнорируя относящіяся сюда, несомнѣнно извѣстные ему документы и ссылаясь вмѣсто нихъ, въ подтвержденіе извращеннаго факта, на другіе источники, которые ничего не говорятъ о немъ. Ниже мы укажемъ дѣйствительный, скрытый г. Цвѣтаевымъ, источникъ, изъ котораго онъ заимствовалъ это несоотвѣтствующее дѣйствительности повѣствованіе и который только и слѣдовало бы ему процитировать, не тревожа ни Никоновской лѣтописи, ни Верга, ни Лыжина, ни С. М. Соловьева.

Все дальнѣйшее повѣствованіе автора о вѣроисповѣдномъ положеніи русскихъ подѣ владычествомъ шведовъ отличается такою же произвольностью изложенія: „Шведскимъ правительствомъ употреблены теперь (то-есть, тотчасъ же по заключеніи Столбовскаго договора) всѣ зависящія отъ него средства къ вовлеченію въ лютеранство всѣхъ новопріобрѣтенныхъ подданныхъ. Нигдѣ лютеранская нетерпимость не проявлялась противъ православія съ такою систематическою послѣдовательностью, какъ здѣсь. Важные опорные пункты распространенія и поддержанія греко-восточнаго вѣроисповѣданія на Финскомъ берегу Ладожскаго озера, Валаамскій и Коневскій монастыри, были шведами разорены и превращены въ кирхи, монахи или убиты, или изгнаны; подобная участь постигла и нѣкоторые приходскіе храмы и служившее въ нихъ духовенство. Впрочемъ, чтобы поворотъ не казался населенію слишкомъ крутымъ и не вызывалъ вспышекъ раздраженія, правительство старалось начать съ мѣръ благовидныхъ и примѣнять принужденіе, когда силы православныхъ были уже ослаблены“ (стр. 590). Значить, разореніе означенныхъ монастырей съ цѣлью подавленія православія у новопріобрѣтенныхъ подданныхъ было, полагаетъ авторъ, не въ началѣ дѣятельности протестантской пропаганды среди этихъ „новопріобрѣтенныхъ подданныхъ“, а уже потомъ, когда разными „благовидными мѣрами“, предварительно примѣненными, были ослаблены силы православныхъ. Между тѣмъ, означенные монастыри были разорены еще до Столбовскаго договора, именно въ 1610 и 1611 годахъ, разорены при томъ въ военное время и безъ всякаго стремленія вовлечь въ лютеранство „новопріобрѣтенныхъ подданныхъ“, какими тогда жители областей, *потомъ* отошедшихъ подѣ шведское владычество, еще не были. Разоренные въ конецъ, названные монастыри оставались въ совершенномъ заустѣннн (монахи разбѣжались по другимъ російскимъ монастырямъ) до самаго времени Петра, когда были восстановлены; при разореніи—и потомъ—никакого превращенія ихъ въ кирхи, о которомъ говоритъ г. Цвѣтаевъ, неправильно ссылаясь на „Описаніе Валаамскаго монастыря“ (Спб., 1864 г.), не происходило: въ „Описаніи“, напротивъ, говорится только, что сами шведы вслѣдствіе нѣкагого чуда, бывшаго съ ними, тамъ же описаннаго, боясь касаться почившихъ тамъ мощей угодниковъ Божіихъ, „въ огражденіе отъ неосторожнаго прикосновенія къ мѣсту ихъ покоя, поставили на немъ деревянную часовню“, которая и стояла тамъ до 1717 г., когда повелѣніемъ императора Петра предписано Валаамскую обитель возобновить. (См. въ „Описаніи Валаам-

скаго монастыря", стр. 48—49). Такимъ образомъ, разореніе означенныхъ монастырей, послѣ Столбовскаго договора, да еще съ превращеніемъ ихъ въ кирки, помянуто авторомъ не кстати.

Также неудачна ссылка г. Цвѣтаева, для той же цѣли—показать широкіе размѣры насильственной лютеранской пропаганды шведской въ новопріобрѣтенныхъ шведами русскихъ городахъ, на благодарственную грамоту Михаила Феодоровича новгородскому митрополиту Исидору (1617 г.) и даже грамоту новгородскаго митрополита Макарія (1619 г.) къ его заграничной паствѣ (нами выше приведенную). Угнетенные въ Швеціи „православные,—говоритъ г. Цвѣтаевъ,—огромными гурьбами бѣжали въ единовѣрное Московское государство, особенно въ виду того, что Москва не прекращала заботъ о парализованіи шведско-лютеранской пропаганды, пользуясь, главнымъ образомъ, правомъ новгородскаго владыки завѣдывать дѣлами православныхъ въ уступленныхъ шведамъ русскихъ областяхъ. Михаилъ Феодоровичъ благодарилъ (1617 г.) новгородскаго митрополита Исидора, что онъ, по мѣрѣ силъ, охранялъ православныхъ отъ религіозныхъ и политическихъ „насильниковъ германскаго рода“. Филаретомъ Никитичемъ посланъ былъ (1619 г.) слѣдующему новгородскому митрополиту „образцовый списокъ“ для тѣхъ грамотъ-посланий, съ которыми митрополитъ долженъ былъ обратиться къ своей заграничной паствѣ, и, между прочимъ, объявить финнамъ, чтобы они мужались крѣпко держались своей православной вѣры и по своимъ духовнымъ дѣламъ пріѣзжали къ нему въ Новгородъ; за неисполненіе наставленій владыка грозилъ судомъ Вожімъ“ (593—594). Но митрополитъ Исидоръ охранялъ православныхъ отъ „насильниковъ германскаго рода“ (какъ они просто названы въ грамотѣ Михаила Феодоровича безъ эпитетовъ: „религіозныхъ и политическихъ“) также еще до Столбовскаго договора, и благодарилъ его Михаилъ Феодоровичъ не за противодѣйствіе шведско-лютеранской пропагандѣ, а за то, что многія хрестыанскія души, которыхъ насильницы германскаго юду приводили къ крестному цѣлованію на королевское имя и въ свою землю идти прельщали и принуждали, онъ, митрополитъ, простирая свою духовную мрежу, уловилъ въ нетлѣнное благоразуміе и наставилъ къ истинному свѣту и правдѣ Вожіей, и отъ прелести ихъ (насильниковъ) многихъ своимъ учительствомъ и наказаніемъ свободилъ (Акты Ист., т. III, стр. 452—453). А что касается грамоты новгородскаго митрополита Макарія, то она, только при игнорированіи извѣстныхъ обстоятельствъ ея происхожденія и той нѣскольکو свободной передачѣ

ея содержанія, какую видимъ у автора, могла явиться доказательствомъ существованія—даже въ то первое начальное время подданства русскихъ шведамъ, о которомъ самъ авторъ прежде замѣтилъ, что тогда дѣйствовали еще только „благовидныя мѣры“,—насильственной противъ православія шведско-лютеранской пропаганды; взятая же въ ея настоящемъ видѣ и, главное, въ связи съ обстоятельствами ея происхожденія, она, напротивъ, представляетъ, какъ мы видѣли, яснѣйшее доказательство заботливости самихъ шведовъ на первыхъ, по крайней мѣрѣ, порахъ (по какимъ мотивамъ—это другой вопросъ), о церковныхъ интересахъ ихъ новопріобрѣтенныхъ подданныхъ; заключающееся въ ней увѣщаніе митрополита мужаться и крѣпко держаться православной вѣры, на которое особенно ударяетъ авторъ, ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ характера призыва къ борьбѣ противъ дѣйствующей пропаганды, а развѣ только опасливаго со стороны митрополита предостереженія православныхъ отъ возможныхъ въ будущемъ для ихъ православія соблазновъ и опасностей въ странѣ иновѣрной.

„Размѣры лютеранской пропаганды,—продолжаетъ авторъ,—вынудили московское правительство издать (1629 года, 31-го января) новгородскимъ воеводамъ наказъ, чтобы они тѣхъ пріѣзжавшихъ изъ-за рубежа, которые начнутъ бить челомъ, гораздо развѣдывали, не пошатнулись ли эти въ православной вѣрѣ, твердыхъ пускать на посадскія церкви, по не въ Софійскую, пошатнувшихся и приставшихъ къ лютеранской вѣрѣ не пускать и въ посадскія церкви, „дабы нашей православной вѣрѣ поруганія не было“ (594). Размѣры лютеранской пропаганды тутъ совсѣмъ не при чемъ: наказъ даже твердымъ въ вѣрѣ, приходившимъ изъ-за рубежа, запрещавшій входить въ Софійскую церковь, ясно свидѣтельствуетъ не о размѣрахъ лютеранской пропаганды, а о размѣрахъ того православнаго отвращенія къ иновѣрью, при которомъ (отвращеніи) одно уже пребываніе православнаго среди иновѣрцевъ считалось для него оскверненіемъ.

Г. Чистовичъ въ своей „Исторіи православной церкви въ Финляндіи и Эстляндіи“, изложивъ состояніе православной церкви въ Финляндіи подъ шведскимъ владычествомъ по официальнымъ русскимъ документамъ, которые у него вездѣ и приводятся или цитируются, дѣлаетъ такое заключеніе о характерѣ шведско-лютеранской пропаганды относительно русскихъ: „хотя не было открытыхъ притѣсненій въ вѣрѣ, не было усиленныхъ стремленій обращать православныхъ шведскихъ подданныхъ въ лютеранство, но дѣйствовали

тайныя мѣры"—учрежденіе славянской типографіи, награды православному, которые выучать Лютеровъ катихизисъ, пасторамъ, которые будутъ говорить проповѣди на русскомъ языкѣ и проч. (*Чистовичъ*, 69 и слѣд.). Г. Цвѣтаевъ, изложивъ то же состояніе православной церкви подъ шведскимъ владычествомъ, во многомъ несогласно съ г. Чистовичемъ, заключаетъ: „штрафы, наказанія и различныя притѣсненія обрушивались съ возрастающей силой... При совращеніи не обходилось безъ прямыхъ принужденій: лютеранскіе пасторы возбуждали къ насиліямъ противъ русскихъ“ (стр. 593). Цитатъ въ подтвержденіе такихъ насилій не приводится. Въ общемъ же указаніи руководившихъ автора, при изложеніи состоянія православной церкви подъ шведскимъ владычествомъ, пособій въ подстрочномъ примѣчаніи значится: „свѣдѣнія заимствуемъ по преимуществу изъ финскаго сочиненія *Салениуса* „Греческая вѣра въ Финляндіи“, Борго, 1873 г. (переводъ извлеченій изъ него обязательно сдѣланъ и доставленъ намъ К. И. Якубовымъ), проф. *И. П. Чистовича* „Исторія православной церкви въ Финляндіи“ и друг., нѣкоторыя данныя сообщены намъ упсальскимъ профессоромъ *Г. Ирне* (*Hagald Hjägne*)“ (стр. 590—591). Можетъ быть, на счетъ этихъ новыхъ данныхъ, которыми не располагалъ проф. Чистовичъ (извлеченій изъ книги Салениуса и данныхъ, сообщенныхъ упсальскимъ профессоромъ), и слѣдуетъ отнести всѣ тѣ мѣста въ повѣствованіи г. Цвѣтаева о лютеранской пропагандѣ по отношенію къ православнымъ въ Швецію, гдѣ онъ не сходится съ г. Чистовичемъ. Но тогда тѣмъ необходимѣе было бы объявить эти данныя, измѣняющія прежній взглядъ на дѣло, показать ихъ содержаніе и опредѣленно указать примѣненіе ихъ къ той или другой части повѣствованія. Ничего этого г. Цвѣтаевъ не дѣлаетъ: назвавъ голословно въ подстрочномъ примѣчаніи эти новыя, доставленныя ему данныя, онъ потомъ, въ самомъ повѣствованіи, нигдѣ уже болѣе не приводитъ и не цитируетъ ихъ. Связь повѣствованія съ этими данными, а также и достоинство ихъ для читателя совсѣмъ не видны.

На стр. 7 авторъ пишетъ: „По юридическимъ изслѣдованіямъ, Россіи первой принадлежитъ честь наиболѣе удовлетворительнаго рѣшенія на практикѣ вопроса о правахъ иностранцевъ. Когда на Западѣ иновемець считался врагомъ (*Feind*), или, по крайней мѣрѣ, когда его личность и имущество составляли еще собственность новаго государства и онъ не имѣлъ права завѣщанія (*droit de naufrage, droit d'aubaine, Strandrecht, Wildfangsrecht*), былъ лишенъ свободы личнаго

вѣроисповѣданія и д. д., древняя Русь не знала ничего подобнаго; въ этомъ отношеніи не произошло коренныхъ измѣненій и въ московскій періодъ". Цитируются: *Witte, Die Rechtsverhältnisse der Ausländer in Russland*, Dorpat, 1847; *В. Леуковъ, Взглядъ на состояніе правъ иностранцевъ по началамъ европейскаго народнаго права вообще и въ особенности по законамъ отечественнымъ* (*Юридич. Записки*, издан. П. Рѣдкимъ, 1842, II, 2—9); *И. Е. Андреевскій, О правахъ иностранцевъ въ Россіи до вступленія Іоанна III на престолъ великаго княжества Московскаго*, С.-Пб., 1854; *Ф. Мартенсъ, Современное международное право цивилизованныхъ народовъ*, С.-Пб., 1882, I, 74—75; *М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права*, Кіевъ, 1886, II, 67—70 и др. Итого—пять сочиненій, не считая „и другихъ". Но ни въ одномъ изъ названныхъ сочиненій нѣтъ ни полслова о томъ, чтобы иноземецъ на Западѣ лишенъ былъ свободы личнаго вѣроисповѣданія! Да этого, нужно полагать, и на дѣлѣ не было, по крайней мѣрѣ, по отношенію въ позднѣйшему времени (не болѣе, однако же, позднему, чѣмъ то, въ которомъ авторъ указываетъ безпримѣрную для остальнаго міра вѣротерпимость въ Россіи), когда иноземецъ и на Западѣ пользовался свободой не только личнаго, но—до извѣстной, конечно, степени, во всякомъ случаѣ, однако же, не меньшей, чѣмъ въ Россіи,—и общественнаго вѣроисповѣданія: достаточно припомнить грековъ въ Венеціи, православныхъ сербовъ въ Австріи и, наконецъ, самихъ русскихъ внѣ ихъ страны, о которыхъ, на примѣръ, любекскіе купцы царю Борису говорили: „а вашего царскаго величества подданные торговые люди и въ Ригѣ, и въ Колывани, и въ Юрьевѣ, и въ иныхъ мѣстахъ Ливонской земли имѣютъ церкви и пѣніе" (*Русскій Вѣстникъ*, 1885, № 6, статья г. Цвѣтаева: „Вѣроисповѣдн. полож. протест. купц. въ Россіи", стр. 839). Не иноземецъ, приходившій въ извѣстную страну съ чуждою для нея вѣрою, а отступникъ отъ вѣры, господствующей въ извѣстной странѣ, слѣдовательно—внутренній диссидентъ по вѣрѣ, лишался на Западѣ свободы вѣроисповѣданія, а такихъ, какъ извѣстно, и на Руси не щадили.

До какой степени не остороженъ авторъ въ приводимыхъ имъ цитатахъ, это всего яснѣе показываетъ слѣдующее замѣчаніе его о нѣкомъ Франзбековѣ, обращенномъ изъ лютеранства въ православіе и посланномъ, по наказу царскому, къ прибывшему къ намъ датскому царевичу Вальдемару убѣждать и его къ принятію православія. „Независимо отъ порученія властей,—замѣчаетъ по этому поводу нашъ авторъ,—Франзбековъ могъ говорить это съ полнымъ убѣжденіемъ:

самъ онъ принялъ наше вѣроисповѣданіе не вдругъ, предъ своимъ обращеніемъ просилъ Филарета Никитича объ учителѣ въ вѣрѣ* (стр. 492). Цитируется: *Строевъ*, „Описаніе рукоп. Царскаго“, № 461, и 379-я страница собственнаго сочиненія. Просьба Франзбекова объ учителѣ вѣры, упоминаемая у Строева, ни о чемъ болѣе не говоритъ, кромѣ неизбѣжной для всякаго, желавшаго креститься въ русскую вѣру, процедуры предварительнаго наставленія въ этой вѣрѣ, о чемъ говорится и у автора (стр. 341). А цитированное авторомъ мѣсто на стр. 379 его собственнаго сочиненія гласитъ слѣдующее: „Въ рѣзъ году крещень бѣльскій служилый нѣмчинъ Олферъ Франзбековъ, а по крещеньи ему имя Димитрій, а за крещенье жалованья ему дано: камка добрая, сукно лундышъ, 40 соболей въ 20 рублевъ, денегъ 10 рублевъ“. Можетъ быть, это „жалованье за крещеніе“, по воззрѣнію, выраженному авторомъ на стр. 343—344, и не отрицаетъ еще убѣжденности крещаемыхъ въ истинѣ православія, служа для нихъ только „значительнымъ поощреніемъ къ принятію новаго вѣроисповѣданія“; но, во всякомъ случаѣ, въ доказательство этой убѣжденности оно уже никакъ не идетъ.

На стр. 63—64, разказавъ по Олеарію о разрушеніи нѣмецкой кирхи въ 1632 году по поводу драки въ ней двухъ нѣмокъ изъ-за мѣстъ, авторъ замѣчаетъ: „не смотря на ясность разказа Олеарія, пасторъ Дальтонъ, пользовавшійся этимъ авторомъ, очевидно, лишь въ выдержкахъ Feshner'a, тенденціозно утверждаетъ, будто бы виною разрушенія церкви была всего „одна пара женщинъ, заспорившихъ между собою внутри церкви о мѣстѣ“. А самъ г. Цвѣтаевъ, пользовавшійся Олеаріемъ уже не въ выдержкахъ Feshner'a, а въ полномъ переводѣ и даже въ подлинникѣ, позволяетъ себѣ едва ли не большую свободу въ пользованіи источникомъ, когда въ одномъ мѣстѣ своей книги заявляетъ, что „въ дракѣ, конечно, приняли участіе и мужчины“ (стр. 10), а въ другомъ, что „Филаретъ Никитичъ увидалъ въ кирхѣ и около нея драку нѣмцевъ и нѣмокъ“ (стр. 281),—не смотря на всю ясность разказа Олеарія, говорящаго о дракѣ только нѣмокъ и только внутри кирхи.

Въ главѣ IV: „Черты быта, нравовъ и взаимныхъ отношеній протестантовъ“, авторъ въ самыхъ неприглядныхъ чертахъ рисуетъ намъ нравственныя качества протестантовъ, пользуясь для этого, главнымъ образомъ, судными дѣлами тяжбынными и уголовными протестантовъ и отзывами о нравственномъ состояніи ихъ самихъ же иноземцевъ. Но судныя дѣла, по самому существу ихъ, источникъ односторонній,

по которому никакъ нельзя составлять себѣ сужденія, даже въ случаѣ, еслибы эти дѣла представляли нѣчто выдающееся, о нравственности цѣлаго общества. А судныя дѣла нашихъ протестантовъ даже и не представляютъ чего либо особеннаго, это—самыя обыкновенныя, заурядныя дѣла. Вотъ эти дѣла: а) Споръ нѣкоей Дарьи Марселисъ съ ея родными о наслѣдствѣ, сопровождавшійся рѣзкой перебранкой ея съ однимъ изъ этихъ родственниковъ, которому она сказала, что онъ гнѣвомъ Божиимъ въ умѣ порушился, а тотъ ей въ отвѣтъ, что у нея самой также гнѣвомъ Божиимъ носъ перегниль; рѣшенія не послѣдовало, дѣло замято. б) Жалоба нѣкоего Исаака Рутца на опекуновъ, что „они не выдаютъ ему ни документонъ, ни имущества, и не пускаютъ жить на отцовъ дворъ“, и отвѣтная челобитная опекуновъ, въ которой они просятъ „не вѣрить его напрасной наглости“, изъясняя, что, употребивъ оставшіеся послѣ Давида Рутца, отца Исаакова, пожитки на уплату долговъ его, они послали затѣмъ за дѣтьми его, чтобы они взяли отчетъ въ распоряженіи оставшимся послѣ покойнаго, но Исаакъ, не смотря на неоднократный зовъ, неизвѣстно для какого умысла, не явился; тогда они, опекуны, отдали отчетъ брату его Николаю и зятю Ивану Сведену, пославъ списокъ съ расчета и Исааку; дѣло не кончено (Кромѣ жалобы Исаака и отвѣта опекуновъ, ничего не приведено). в) Убійство одного полковника другимъ въ ссорѣ при осадѣ Смоленска: полковникъ Лесли, шотландецъ, назвалъ другаго полковника, англичанина Сандерсона, измѣнникомъ; Сандерсонъ закричалъ: „лжешь“, и Лесли, не говоря ни слова, выхватилъ пистолетъ и положилъ Сандерсона на мѣстѣ; самоуправный убійца не подчинился суду Шеена (какому—не показано) и остался безнаказаннымъ. г) Убійство на дуэли сержанта Идверта Садлинда кружевнымъ мастеромъ Антономъ Томсономъ: „покойный, какъ оказалось на осмотрѣ, былъ раненъ въ грудь, одѣтъ въ нѣмецкіе штаны и сапоги, при немъ шпага и шляпа“; мотивъ ссоры и дуэли, по словамъ автора, совсѣмъ не выясненъ на судѣ; авторъ полагаетъ, что „въ основѣ лежала семейная драма“. д) Наконецъ, знаменитое, „необыкновенно драматическое“ дѣло Баумана: Датской земли полковникъ Бауманъ, приглашенный вмѣстѣ съ нѣсколькими другими военными людьми на русскую службу, узнавъ, что пасторъ одной изъ московскихъ кирокъ, Якоби, померъ, предложилъ, съ согласія остальныхъ, отправившихся въ Россію офицеровъ, нѣкоему Фокероту ѣхать вмѣстѣ съ ними въ Москву и занять тамъ мѣсто умершаго пастора. Кирка, между тѣмъ, при которой былъ пасторъ Якоби, оказалась совсѣмъ разрушив-